

Л.Г. Чапаева

**ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ Ф.И. БУСЛАЕВА
В ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ 40–50-х гг. XIX ВЕКА
(К 200-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ)**

Деятельность и формирование Ф.И. Буслаева как ученого начинаются в 40–50-х годах XIX в. Идеологическим контекстом эпохи стало противопоставление славянофилов и западников, разногласия которых касались и взглядов на русский язык. Буслаев считал, что он не принадлежит ни к одной из групп. В статье обосновывается вывод о том, что лингвистические взгляды Буслаева в целом оказываются в русле славянофильской теории.

Ключевые слова: славянофил, западник, лингвистическая теория, народный язык, церковнославянский язык

L.G. Chapaeva

**E.I. BUSLAEV'S LINGUISTIC CONCEPTION IN THE IDEOLOGICAL
CONTEXT OF THE 40–50th OF THE 19th CENTURY
(FOR THE 200-years JUBILEE)**

The activity and the formation of F.I. Buslaev as a scientist starts in 40–50th years of 19th century. The ideological context of the epoch was the confrontation of the Slavophiles and Westerners, their disagreements concerned views on Russian language also. Buslaev considered that doesn't belong to any groups. The article substantiates the conclusion that linguistic views of Buslaev in general are in line with the Slavophile theory.

Keywords: Slavophile, Westerner, linguistic theory, vernacular, Church Slavonic language.

Своеобразие русской культурной жизни 1830–1850-х гг. связано с противостоянием двух идеологических течений – славянофильства и западничества. Принадлежность к той или иной группе определяла отношение к прошлому, настоящему и будущему не только исторического пути России, но и ее языка, что приводило к оппозиции и лингвистических установок, поскольку национальный язык – как его современное состояние, так и перспективы развития – и у

славянофилов (особенно), и у западников стоял не на последнем месте в их идеологических построениях. Именно в спорах о языке наиболее ярко, на наш взгляд, проявились две базовые культурологические оппозиции: взаимодействие *своего* и *чужого*, *старого* и *нового*, которые могли перекрещиваться, например: *свое старое* vs *чужое новое*; *свое новое* vs *чужое новое*. Оппозиция лингвистических концепций проявлялась главным образом в разном представлении о соотношении и взаимодействии маркированных элементов в составе литературного языка, в качестве которых выступают церковно-

славянизмы (церковнославянский язык в целом), заимствования и народно-просторечные единицы (народный язык).

Обучение в Московском университете и становление Ф.И. Буслаева как преподавателя-практика и ученого пришлось на это бурное время. Имя Буслаева известно каждому филологу, не только историкам языка, но и методистам и литературоведам. Два фундаментальных его труда входят в золотой фонд русистики [1; 4].

Федор Иванович в письмах и воспоминаниях неоднократно подчеркивал, что ему удалось остаться в стороне от идеологических споров, не примкнуть окончательно ни к одному из противоборствующих лагерей: «На моих глазах начиналась междоусобная война славянофилов с западниками, и я, не думая, не гадая, очутился между двумя враждебными лагерями, но, сыскав себе укромное местечко, спрятался в своей маленькой крепостце до поры до времени от выстрелов того и другого» [3, с. 301]. Его личные человеческие симпатии принадлежали славянофилам, которых он считал «недосягаемыми образцами высшего совершенства» [там же, с. 291], «в среде московских славянофилов я узнал и полюбил бесподобных людей, а не их славянофильство. Мне и в голову не приходило задаваться мыслью, в чем и как отличает себя эта партия от западников. Это меня несколько не интересовало. Потому и о себе самом я не мог догадываться, кто я таков, славянофил или западник» [там же, с. 298]. Но и западника Т.Н. Грановского Буслаев ценил столь же высоко: «Никого на свете не знал я лучше Грановского, совершеннее во всех отношениях» [там же, с. 314]. Кстати, западники считали Буслаева «настоящим славянофилом и теперь приходили в недоумение при виде такой разнокалиберной смеси моих ученых интересов, которые широко и далеко выступали из узких пределов славянофильской программы. “Что же вы такое? – спрашивали они меня. – Славянофил или западник?” – “Да и сам не разберу”, – им отвечал я» [3, с. 299].

Так кто же такой Ф.И. Буслаев по своим лингвистическим взглядам? Его лингвистическая концепция во многом совпадает с установками славянофилов. Объем статьи не позволяет подробно излагать взгляды славянофилов и западников, поэтому кратко охарактеризуем отношение славянофилов к названным группам маркированных элементов в составе русского языка (подробнее о дискуссии см. [7]).

1. В отношении славянофилов к народному языку прежде всего следует отделить идеологическую и лингвистическую стороны вопроса: идеализируя патриархальное крестьянство и приписывая ему все свойства русского характера, ума, духа, они в большинстве своем отрицательно относились к диалектизмам и просторечию (т.е. народному языку в его широком понимании) в художественном тексте, следовательно, и как к средству обогащения книжного, литературного языка. Большая часть славянофилов (кроме В.И. Даля) под народным русским языком понимали не реальные областные говоры или просторечие, а некий абстрактный, идеальный народный язык, в состав которого входят прежде всего язык фольклора, а не реальная речь тех же крестьян, древнерусских текстов исторического и церковного содержания (а это язык церковнославянский). *Свое старое*, во многом абстрактно идеальное, допетровское (к преобразованиям Петра I славянофилы относились сугубо негативно, идеализируя не только древнее состояние языка, но и древнюю эпоху в целом) лучше, чем *чужое* (заимствованное), по крайней мере, для народа.

2. Церковнославянский язык ко времени споров славянофилов и западников ограничил сферу функционирования церковной областью. Не только западниками, но и многими филологами церковнославянский язык осознан как *чужое* и *старое* в русской культуре и языковой ситуации. И славянофилы это понимают, но, определяя православие центральное место в русской жизни, они не считают возможным полностью от-

казаться от архаичных церковнославянских элементов в русском языке. Эти элементы воспринимаются ими не столько как явления *чуждого* языка, сколько как явления исконного (т.е. *своего*), *славянского* (объединяющего древнерусский и церковнославянский языки) и национального начала, которое должно быть выше и ценнее общечеловеческого. Церковнославянский язык может занимать в культурологической оппозиции сферу *нового*, т.к. он стал неотъемлемой частью русского книжного языка, отказ от него невозможен, а обучение ему необходимо и полезно, следовательно, в перспективе он будет участвовать в развитии и обогащении русского литературного языка.

3. Описываемая эпоха богата иноязычными заимствованиями, что во многом связано было с тенденцией к терминологизации взглядов и концепций, к более четкой их дифференциации. Безусловно, иноязычные заимствования – это сфера *чуждого* в культуре и языке, но относиться к ним можно по-разному. Для западников интернациональность заимствуемых слов означала включение России в общеевропейский, мировой процесс развития; для славянофилов они оцениваются не просто как чуждое, но бездуховное и поэтому опасное для русского национального самосознания, для православной культуры. «*Свое и чуждое, родное и иноязычное* воспринимаются на уровне идеологической антитезы, а не семантики и стилистики конкретного слова. Важно, из какого лагеря исходят те или иные установки: то, что считается правильным, соответствующим литературной норме, по мнению западников, отрицается славянофилами и сторонниками официальной народности не только как порча родного языка, но и как вредное идеологическое средство» [7, с. 234].

Итак, обратимся к взглядам Ф.И. Буслая.

В отношении к историческому прошлому в русской культуре и языке Буслая вполне согласен со славянофилами: «Все прошедшее в языке и литературе никогда не умирает для настоящего, а как

необходимый элемент входит живительную силу, чудотворно претворяется в современное и остается залогом усовершенствования для будущего» [4, с. 94]. Именно Буслая в русской филологии принадлежит тезис о тесной связи истории языка с историей его народа: «Все настоящее, в нравственном быту народа, коренится на прошедшем <...> причина современному глубоко погружена в недрах исторического развития народа <...> тупо всякое заморское философствование там, где оно надувается натяжками объяснить частный факт», – писал Ф.И. Буслая [2, с. 44]. Господство в филологии этого времени сравнительно-исторического метода во многом определило общность позиций славянофилов и Ф.И. Буслая: не только реконструкция прошлого идеального состояния языка, но и его возрождение в современности, по крайней мере, сохранение в языке всего накопленного за долгие века. Буслая изучал не только письменные древние памятники, но и устное народное творчество, хотя, – и это формально отличало его позицию от славянофильской, – не видел в этих произведениях «народных сокровищ доморощенной мудрости, равных которым по их глубине не было и нет во всем мире» [3, с. 300]. В то же время, объясняя свой интерес к старинным текстам, Буслая изучал не столько грамматические формы, сколько «слова как выражения впечатлений, понятий и всего мирозерцания народа в неразрывной связи с его религиею и с условиями быта семейного и гражданского» [там же, с. 308], характеризуя, таким образом, пусть и не «доморощенную мудрость», но мироощущение, языковую картину мира, а не только язык как набор средств для выражения этого мироощущения.

В составе общенационального русского языка главная роль принадлежит народному языку, по мнению Ф.И. Буслая: «Точность и простота» народной речи определяют ее более высокий статус по сравнению с искусственной речью современной литературы, а «Крылов, Грибоедов, Пушкин окончательно узаконили

необходимость ввести народный язык в письменный» [4, с. 300]. Исследователь расширяет границы народного языка как высшей формы его национального существования, включая в его состав архаизмы и относя к ним «все старинные выражения, соответствующие древней русской жизни», а также «церковнославянские формы» [там же, с. 271]; «разветвлениями» народного языка являются провинциализмы, т.е. лексические и грамматические явления областных наречий, которые частично используются в «теперешнем слоге» [там же, с. 354].

Роль церковнославянского языка в составе русского литературного оценивалась славянофилами и Ф.И. Буслаевым одинаково высоко. Одной из специфических черт русской языковой ситуации является «средостение» церковнославянского и народного языков как равноправных элементов русского слога [4, с. 400]; поэтому «нынешний русский язык литературный или язык образованного общества представляет неразделимое сочетание элементов русского наречия с элементами церковнославянского» [1, с. 35]. Славянизмы стали органичной частью русского языка, без них не обходилось в древности, не обходится и сейчас: «Как в старинных памятниках церковнославянских, в летописях, посланиях и особенно юридических актах постоянно попадают русские речения между церковнославянскими, так и в народной речи как архаизмы рассеяны славянизмы» [4, с. 337]. Таким отношением к церковнославянскому языку объясняется методологический подход к описанию современного Буслаеву русского языка, книга не случайно получила название «Историческая грамматика русского языка».

Совпадает позиция Буслаева со славянофильской и в отношении к заимствованным лексемам (для XIX в. характерен общий термин *варваризмы* от греч. *Barbaros* ‘чужеземный’. В настоящее время термин *варваризм* обладает более узким значением, см., например, [5]). Ф.И. Буслаев, оговариваясь, что

«наука запрещает пристрастно нападать на варваризмы и упрямо изгонять их из всеобщего употребления» [4, с. 340], т.е. признавая не научность пуристического взгляда на заимствования, тем не менее, отрицательно оценивает «чуждое» влияние в языке, считает его «ложным», подчеркивает «невразумительность» для народа варваризмов, «отягощающих речь, как лишний нарост» [там же], а петровский период бурного проникновения иноязычных слов в русскую письменность рассматривает как «насильственную порчу языка» [там же, с. 349]. Следует заметить, что пуристический подход к заимствованиям в русской филологии данной эпохи преобладает, его отличает субъективность оценок тех или иных заимствованных лексем. С каждым из новых иноязычных слов был связан комплекс общественно-политических взглядов, за борьбой вокруг отдельных слов скрывалась борьба различных мировоззрений, вплоть до представлений о нравственности: «История варваризмов идет рука об руку с народной образованностью; вопрос об языке тесно присовокупляется к вопросам нравственным и разрешается борьбою народного с чужеземным» [там же, с. 372]. В данном случае прослеживается несомненная преемственность взглядов архаистов и славянофилов, к которым в данном случае примыкает Буслаев, так как эту идею высказывал еще А.С. Шишков, деятельность которого Буслаев оценивает положительно как борьбу с «варваризмами, которые Карамзин с своими последователями вносил в наш язык в первом периоде своей деятельности» [там же, с. 352]. «Признавая законность того, что уже есть в языке, они не хотели признавать законность того, что продолжает в нем складываться <...> Признавая прошлые заимствования, те, которые уже прочно вошли в язык, <...> потеряли иноязычный отпечаток и ассимилировались <...>, они возражали против тех заимствований, которые еще только входили в язык» [6, с. 173].

Таким образом, несмотря на то что история языка в концепции Буслаева,

как и во взглядах славянофилов, рассматривалась в неразрывной связи с его настоящим, она в значительной степени оценивалась как совокупность фактов прошлого, как данность языка во всех его разновидностях, во всех наследованных формах. Эту данность как богатство надо беречь и культивировать, охранять от чу-

жеземного влияния. Как любой пуристической теории, этой концепции недостает историчности, т.е. понимания того, что язык развивается постоянно, независимо от воли людей, и сам, как живая система, может самоочищаться, отбрасывая лишнее, ненужное.

Литература

1. *Буслаев Ф.И.* Историческая грамматика русского языка. – М. : Наука, 1959.
2. *Буслаев Ф.И.* (рец.) Материалы для русской грамматики. О местоимениях вообще и о русских в особенности. И.И. Давыдов // Москвитянин. – 1845. – № 2. – С. 41–55.
3. *Буслаев Ф.И.* Мои Досуги. Воспоминания. Статьи. Размышления / сост., примеч. Т.Ф. Прокопова. – М. : Русская книга, 2003.
4. *Буслаев Ф.И.* Преподавание отечественного языка: учеб. пособие. – М. : Просвещение, 1992.
5. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М. : Советская энциклопедия, 1990.
6. *Сорокин Ю.С.* Развитие словарного состава русского литературного языка (30–90-х гг. XIX века). – М.; Л. : Наука, 1965.
7. *Чанаева Л.Г.* Культурно-языковая ситуация в России 1830–1840-х гг. в контексте споров славянофилов и западников. – Saarbrücken, Deutschland : Palmarium academic publishing, 2014.

Literatura

1. *Buslaev, F.I.* Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. – M. : Nauka, 1959.
2. *Buslaev, F.I.* (rets.) Materialy dlya russkoy grammatiki. O mestoimeniyakh voobshche i o russkikh v osobennosti. I.I. Davydov // Moskvityanin. – 1845. – № 2. – С. 41–55.
3. *Buslaev, F.I.* Moi Dosugi. Vospominaniya. Stat'i. Razmyshleniya / sost., primech. T.F. Prokopova. – M. : Russkaya kniga, 2003.
4. *Buslaev, F.I.* Prepodavanie otechestvennogo yazyka: ucheb. posobie. – M. : Prosveshchenie, 1992.
5. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' / gl. red. V.N. Yartseva.* – M. : Sovetskaya entsiklopediya, 1990.
6. *Sorokin, Yu.S.* Razvitie slovnogo sostava russkogo literaturnogo yazyka (30–90-kh gg. XIX veka). – M.; L. : Nauka, 1965.
7. *Chapaeva, L.G.* Kul'turno-yazykovaya situatsiya v Rossii 1830–1840-kh gg. v kontekste spоров slavyanofilov i zapadnikov. – Saarbrücken, Deutschland : Palmarium academic publishing, 2014.